

Впрочем, для Тётушки Ши и школы Цаншань всё сложилось по классическому уговору: «у князя помыслы есть, да дева грёз не видит» — безответная, словом, любовь. Примерно через четверть часа к предводителю совершенствующихся подбежал служка и что-то зашептал на ухо. Лицо заклинателя на миг посерьёзнело, однако на губах тут же вновь заиграла приветливая улыбка.

— На этом наша встреча окончена! — зычно объявил он. — Те, кто выдержал испытание, могут следовать за старейшиной Сюй Цинмином. Собирайте вещи, отныне вы — часть нашей школы!

С этими словами он отвесил небрежный поклон изваянию Бессмертного владыки Улина и увёл учеников за собой. Судя по их торопливому, почти суматошному виду, в обители стряслось что-то спешное.

Шитоу лишь добродушно посмеивался вслед, словно забавляясь весёлым зрелищем. Его опухшие, похожие на рыбы пузыри глаза так и бегали: сначала он проводил взглядом уходящих заклинателей, затем окинул прищуром вереницу отобранных юношей и девушек. Потирая заросший подбородок, он негромко хмыкнул.

Пока он предавался веселью, над самой его головой раздался подозрительный шорох.

Доски над лицом приоткрылись, впустив полоску яркого света и пахнущий персиковым цветом тёплый весенний ветерок. Шитоу так и поперхнулся смехом. С лица его мгновенно сошли все краски. Захлопнув рот, он поспешно уткнулся носом в грудь лежавшего рядом покойника, притворяясь бездыханным беглецом, разделившим участь своего суженого.

Наверху зашептались — судя по тонким голосам, залезть на повозку решили дети.

— Тсс-с!

— Лун-гэ, ты у-уверен, что нам надо пря-прятаться именно здесь? — робко спросил младший, слегка заикаясь. — Это ведь телега дяди Сюя из агентства сопровождения?

— А то как же! — бодро отозвался старший, на вид мальчишка лет одиннадцати-двенадцати. Говорил он с размашистой уверенностью. — Дядя Сюй с моим отцом — не разлей вода. Как соберутся пропустить по чарочке, я ему всё и объясню, делов-то!

— То-тогда... мы прямо тут примем этот «Порошок Восхождения к Бессмертию»? — Малыш испуганно переступил с ноги на ногу прямо на крышке гроба, отчего доски мелко задрожали. — Лун-гэ, а он точно сработает?

— Да какая разница, хватайся за любую соломинку, — в голосе Лун-гэ поубавилось прежней уверенности. — Выбора всё равно нет. Даос Ван ведь точно предсказал, что сегодня мне суждено обрести стезю бессмертия! И с какого перепугу эти выскочки из Цаншань меня

забраковали? Сто процентов, у этого старейшины Сюй Цинмина крыша поехала, когда он мне кости прощупывал!

— Вот и я так думаю, — согласился заика, у которого от желания поддакнуть приятелю даже язык перестал заплетаться. — Даос Ван — наследник древней школы заклинателей. Он тебя полчаса ощупывал и сказал, что у тебя кости редчайшей чистоты. Точно этот Сюй Цинмин с глузду съехал.

Шитоу, затаившийся на дне гроба, не выдержал и прыснул.

— Кто здесь?! — рявкнул Лун-гэ.

Шитоу торопливо зажал себе рот ладонью.

— Лу-Лун-гэ, под этой рогожей... кажется, кто-то есть... — задрожал младший.

Лун-гэ оттащил друга назад и резко сдёрнул покрывавшую гроб плотную ткань. Глазам мальчишек предстал добротный гроб из красного дерева. Оба разом шумно втянули воздух.

— Лу-Лу-Лу-Лун-гэ...

— Прибыл Бессмертный владыка Улина! — зычно разнеслось снаружи.

Оба выкрика прозвучали почти одновременно. Лун-гэ испуганно пискнул. Наверху началась суматоха: мальчишки лихорадочно искали, куда бы спрятаться. Шитоу в гробу стиснул зубы и вцепился себе в горло, силой задерживая дыхание.

— Быстро! — сообразил старший и перешёл на отчаянный шёпот: — Сяо Нин, прыгай в гроб!

— Ы-ы-ы-ы... — захныкал тот.

Не слушая жалоб, Лун-гэ рванул крышку гроба и силой впихнул туда заику. Раздался глухой стук. Шитоу почувствовал, как на его многострадальную поясницу рухнуло нечто весом в добрую тысячу цзиней. Из него чуть глаза не выскочили.

Не успел он поправить зрение, как следом за Сяо Нином в узкий ящик втиснулся сам Лун-гэ. От столь бесцеремонного вторжения у бедного Шитоу изо рта вывалился язык.

В тесном пространстве гроба теперь ютились трое живых и один мертвец. Розовое личико Сяо Нина оказалось точнёхонько напротив физиономии Шитоу. Малыш истошно завопил:

— Привидение! Спасите, упырь!

Лун-гэ обернулся и обомлел. Чумазый нищий вцепился собственными руками себе в шею, выкатил белки глаз и вывалил язык — вылитый висельник, только что вынутый из петли. С трудом преодолевая подступившую к горлу дрожь, старший мальчик выдавил:

— Чего развылся?.. Мы же без пяти минут великие заклинатели...

— Повинуйся моему приказу! — не слушая его, завопил испуганный Сяо Нин. Он лихорадочно выудил из кармана какую-то белую пудру и принялся щедро осыпать ею Шитоу. — Повинуйся моему приказу! Сгинь, нечистая сила, изыди!

— С ума сошёл?! — Лун-гэ перехватил его руку. — Это же наш «Порошок Восхождения»!

— Ха-ха-ха-ха! — не выдержав, «висельник» покатился со смеху. — Ну и уморительные же вы чертенята! И где только раздобыли это зелье? Решили сжульничать на проверке духовных корней?

Лун-гэ онемел, его зубы громко застучали от страха.

Сяо Нин снова собрался зарыдать:

— Ы-ы-ы-ы...

Однако лжепокойник мгновенно зажал ему рот ладонью:

— Тсс-с, не шумите! Сюда идут заклинатели из школы Улин. Видите того господина в одеждах книжника с веером в руках? Это сам Цэнь Цихэ, глава одного из пиков школы Улин. Его слово имеет вес во всем мире совершенствующихся. Если он прознает про ваше жульничество, о пути бессмертия можете забыть раз и навсегда. Придётся вам тогда вместе со мной побираться, глотать пыль дорог да получать пинки от стражников!

Лун-гэ затаил дыхание, его лицо побагровело, как свекла, но паника постепенно отступила. Он выпалил:

— Ты вообще кто такой?! И чего забыл в чужом гробу?

— Я-то? — ухмыльнулся Шитоу, хитро прищурившись. — Да так, старая зазноба Бессмертного владыки Улина. Прячусь от любовных долгов...

Сяо Нин захлопал ресницами и вдруг выдал:

— Погоди-ка... Судя по вранью, ты тот самый паршивый мясник с окраины деревни!

Шитоу поперхнулся собственными словами.

— Да как в вашей глухомани вообще воспитывают детей?! — притворно возмутился Шитоу. — Никакого уважения к старшим! Изловить бы вас обоих да выпороть хорошенько!

Мальчишки дружно одарили его презрительными взглядами.

Немного погодя Лун-гэ подозрительно спросил:

— Эй, мясник, а откуда тебе ведомо имя главы пика Цэня?

— Я же русским языком объяснил: я — ненаглядный этого вашего улинского первопредка, — ухмыльнулся Шитоу.

Лун-гэ скривился, выражая крайнее недоверие, но спорить не стал, решив обернуть дело в свою пользу:

— Ладно... Братец Любовник, давай договоримся. Всё, что мы тут с Сяо Нином наговорили...

Шитоу расплылся в улыбке и приставил пальцы к ушам, показывая, что ничего не слышал.

Лун-гэ согласно закивал.

Глаза Шитоу хитро блеснули. Он протянул ладонь и недвусмысленно потёр большой палец об указательный.

Мальчишка набычился, его лицо снова потемнело:

— Тебе ещё и платить надо?!

Шитоу лишь многозначительно причмокнул губами и указал на проделанную в гробу дырочку. Лун-гэ прильнул к отверстию и похолодел от ужаса — буквально в трёх шагах от них стоял статный заклинатель с золотым веером. Это действительно был Цэнь Цихэ, глава первого пика школы Улин!

— Шитоу-гэ, — заныл Лун-гэ, — ну сам посмотри на меня... откуда у меня деньги?..

— Хе-хе, — Шитоу противно запищал, передразнивая мальчишку: — «Дядя Суй с моим отцом

— не разлей вода! Как соберутся пропустить по чарочке, я ему всё и объясню, делов-то!»

— Ну... это я так, к слову пришлось... — замялся тот.

Вдруг в их спор вмешался притихший Сяо Нин:

— Шитоу-гэ, а если я сейчас ка-а-ак заору и позову главу пика Цэня? Ты испугаешься?

Мясник опешил от такой наглости:

— Э... вы чего удумали?..

До Лун-гэ мгновенно дошёл замысел приятеля:

— Ого! А я добавлю и крикну имя самого Янь Чичэна... М-м-м!

Сяо Нин испуганно зажал ему рот ладошкой и зашипел:

— Лун-гэ, ты спятил?! Разве можно вслух поминать имена великих бессмертных!

Лун-гэ послушно умолк, уставившись на Шитоу круглыми, как у тигрёнка, глазами.

— Ладно, сорванцы, уговорили, — буркнул нищий. — Ни вы обо мне ни слова, ни я о вас. Вы спокойно проверяете свои корни, а я отправляюсь на остров Пэнлай. Идёт?

— погоди, — тут же прицепился Лун-гэ, почуяв слабинку. — А ну-ка придумай, как нам незаметно выбраться отсюда. Если мы так и просидим в гробу, кто у нас примет испытание?

— Ну вы и наглецы! Сами залезли, а теперь я виноват?! — возмутился Шитоу. — Сам Цэнь Цихэ у телеги топчется. Мне что, сквозь землю вас провалить?

В ответ Лун-гэ лишь набрал в грудь воздуха, собираясь закричать.

— Стойте, стойте! — взмолился нищий. — Ладно! Есть у меня один способ!

Сяо Нин осторожно потянул друга за рукав:

— Лун-гэ, да какой толк от этого грязного мясника? Чего он может уметь?

Шитоу терпеть не мог, когда сомневались в его способностях. Презрительно фыркнув, он направил ладонь к отверстию в гробу, молниеносно сложил пальцы в защитный жест и негромко скомандовал:

— Явись!

— Чего это ты пальцы веером крутишь?..

Не успел Лун-гэ закончить фразу, как в глазах у обоих мальчишек зарябило. Прямо в раскрытой ладони Шитоу возникла изящная нефритовая подвеска, переливавшаяся всеми оттенками зелени.

У детей челюсти поотвисали.

— Э-это... откуда?..

Шитоу с довольной усмешкой перевернул подвеску. На обратной стороне красовался искусно выгравированный иероглиф «Цэнь». Это действительно было личное украшение Цэнь Цихэ. Заглянув в щелку, мальчишки увидели, что глава пика увлечённо беседует с настоятелем Храма Небесного Божества, даже не подозревая о пропаже.

— Ничего себе фокус... — проколебался ошеломлённый Сяо Нин. — Ты её что, стащил у него раньше времени?

Видя их недоверие, Шитоу обиженно надулся. Он снова раскрыл ладонь и скомандовал:

— Ко мне!

На сей раз в его руке оказался изящный складной веер, который Цэнь Цихэ обычно держал в рукаве. Свисавшая с рукояти подвеска с гербом школы Улин качнулась и глухо стукнулась о деревянную обшивку гроба.

— Слышь, побирушка... — пролепетал Лун-гэ, сглатывая слюну. — Ты нас не разыгрывай. Небось купил дешёвку у Лю Эрniu на базаре?

Шитоу рассвирепел. Схватив мальчишку за загривок, он силой прижал его глазом к смотровой щели:

— Разуй глаза и смотри хорошенько, сопляк!

Лун-гэ послушно замер, во все глаза уставившись на стоявшего снаружи заклинателя.

Шитоу тем временем свёл ладони вместе и изящным движением сплёл сложный четырехпальцевый жест. С его рук осыпалась вьевшаяся грязь, обнажив удивительно белую, гладкую, словно точёный нефрит, кожу. Сам он этого даже не заметил и негромко, но властно приказал:

— Явись!

Во дворе храма царил абсолютный штиль. Цэнь Цихэ, чьи волосы были аккуратно уложены в высокую причёску почтенного мужа, потянулся к рукаву за веером, но нащупал лишь пустоту. Он нахмурился, огляделся по сторонам и вдруг заметил, что все присутствующие смотрят на него со смесью благоговения и крайнего изумления.

— Ой... мамочки... — пролепетал Лун-гэ.

В руках у него сама собой оказалась шёлковая лента и дорогая нефритовая заколка, в зубах которой запуталось несколько длинных чёрных волосков.

Через щелку в гробу было видно, как Цэнь Цихэ, проследив за чужими взглядами, поднял руку к голове. Потерявшие опору волосы хлынули водопадом, рассыпавшись по плечам густой шёлковой волной.

<http://bllate.org/book/18360/1798407>